

ББК 60.542.21

Е. О. Цалко

ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ (По материалам интервью)

Проблема национальной идентичности русских все чаще становится предметом дискуссий в академическом дискурсе. Однако если ранее фокус обсуждений был направлен на поиск «русской идеи» как основы новой национальной идентичности, то сейчас полемика разворачивается преимущественно вокруг вопроса о русскости и российскости. Известный российский этнолог В. Тишков, активно выступающий за формирование новой идентичности России как гражданского проекта «нации наций», считает невозможным признание в России государствообразующей русскую нацию и возвращение дореволюционного, широкого понимания русских. Престижность русскости и статус русских, по его мнению, нужно утверждать не отрицанием российскости, а через утверждение двойной идентичности — русской и российской [22]. Вслед за этой темой активно стали изучаться вопросы, связанные с определением самой русскости: что должна представлять собой русская национальная идентичность, что значит быть русским для самих русских, чем русские отличаются от других, с помощью чего «воображается» русскость.

Мы полагаем, что неотъемлемой частью национальной идентичности любой нации являются национальные образы мужчин и женщин, поскольку они представляют собой структурный элемент национальной идентичности и входят в «Мы-образ».

Цель данной статьи — анализ того, как гендерные образы участвуют в формировании национальной идентичности русских на примере образа женщины.

Вначале обозначим нашу методологическую позицию и определим основные понятия. Национальная идентичность — это вид коллективной идентичности, свойство группы или человека, связанное с ощущением принадлежности к какой-либо нации; это «формирующееся на основе этнического и политического единства состояние групповой солидарности, включающее коллективный (осознание и переживание нацией своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности к нации) уровни» [15, с. 33]. О. В. Рябов и Н. А. Курнаева предложили различать две парадигмы в исследовании коллективной идентичности: атрибутивную, когда идентичность рассматривается как свойство, и реляционную, когда идентичность рассматривается как отношение [11]. Идея о том, что образы Своих и Чужих в коллективной идентичности взаимообусловлены, восходит к работам выдающегося английского психолога Г. Тэджфела

(см., напр.: [28]). Значительный импульс ее развитие получило в трудах норвежского антрополога Ф. Барта (см., напр.: [24]).

Ключевой момент в формировании национальной идентичности — это проведение границ между Своей нацией и Чужой. Границы проводятся с помощью особых маркеров, элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (одежда, язык, стиль жизни и др.) [24]. Такими маркерами, «символическими пограничниками», могут выступать и гендерные идентификаторы, что было исследовано в монографии Н. Ювал-Дэвис [23]. Мы понимаем под гендерными идентификаторами совокупность гендерных образов и представлений, стереотипов, символики, используемых в определении границ Своей национальной (этнической) общности и репрезентации ее членов. К числу важнейших гендерных идентификаторов относятся образы Своих и Чужих мужчин и женщин, которые создает каждая нация.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. При этом, как показал Г. Тэджфел, оценки Своим и Чужим даются по принципу ингруппового фаворитизма. Согласно ему, в результате сравнения Своей группы с Чужой, аутгруппам атрибутируются по преимуществу негативные качества, в то время как ингруппам — позитивные. В случае использования гендерных идентификаторов соответственно гендерный порядок Своих репрезентируется, как правило, в качестве нормы (Свои мужчины — самые мужественные, Свои женщины — самые женственные), в то время как гендерный порядок Чужих — в качестве девиации [15, с. 21].

Эмпирической базой для анализа послужили материалы индивидуальных интервью, проведенных нами зимой 2011 г. в г. Иванове (N = 18)*.

Анализ образа русской женщины как гендерного идентификатора, определяющего границы нации, включает в себя следующие направления: изучение содержания этого образа (основных качеств, присущих русской женщине); того, как образ русской женщины коррелирует с образом русских вообще; как образ русской женщины используется в проведении границ между русскими и другими национальностями, между Россией и другими нациями.

Содержание образа русской женщины, качества, которыми она традиционно наделялась, являются объектом изучения в различных социальных науках. В начале 90-х гг. в работах Н. Ювал-Дэвис [23], А. Мак-Клинтон [25] и других начинает активно исследоваться роль мужчин и женщин в национализме. В отечественной науке впервые эта тема была поставлена О. В. Рябовым, который проанализировал роль русской женщины в формировании национальной идентичности на материалах отечественной и западной историософии [18, 17]. Содержание образа русской женщины на языковом материале исследовали

* Объект исследования — жители г. Иванова от 18 до 77 лет. Выборка — квотная (квотируемый признак — пол и возраст респондентов). В интервью участвовали только русские респонденты. Вид интервью — полуформализованное. Для его проведения был разработан бланк вопросов, форма вопроса — открытый. Среднее затраченное на одно интервью время составило 35 мин.

лингвисты А. В. Кирилина и Е. И. Горошко [6, 9]. Е. Гапова показала, как используются образы мужчин и женщин в формировании национальных государств на постсоветском пространстве [3, 4]. Социологическими методами содержание стереотипов «русская женщина», «русский мужчина» проверялось Т. Б. Рябовой [19], чье исследование было посвящено влиянию этнического фактора на гендерную стереотипизацию. Отметим, что современный образ русской женщины активно изучается на примере российских масс-медиа, в частности на материалах рекламы (см., напр.: [1, 2, 7]).

В своей работе мы хотим сделать акцент на изучении того, как образ женщины и его основные составляющие участвуют в построении границ между различными нациями, как этот образ используется в определении того, кто является Своим, а кто Чужим.

Для того чтобы проанализировать, как образ русской женщины включается в идентификационные процессы, следует понять, какое содержание в него вкладывается. В связи с этим один из блоков вопросов в нашем интервью был направлен на изучение содержания образа русской женщины. Результаты исследования показали, что образ русской женщины содержит в себе качества, которые традиционно относят к стереотипно женским, — хозяйственность, красота, а также качества, которые И. Броверман с соавторами определили как экспрессивные, — доброта, верность, заботливость (см. об этом: [19, 20, 27]). Помимо этого, участники интервью приписывали русской женщине такие характеристики, как гостеприимство, простодушие, самоотверженность, сила духа, выносливость, — качества, которые входят в авто- и гетеростереотипы русских. В связи с этим мы можем сказать, что образ русской женщины содержит в себе и традиционно женские, и традиционно русские качества. Данный факт в целом может подтверждать тезис о том, что образы России и русских совпадают с образом русской женщины, в то время как в других нациях образ нации совпадает с образом мужчины, т. е. национальный стереотип «англичанин вообще», «немец вообще» и т. д. базируется на мужском стереотипе соответствующей нации, а в России стереотип «русский вообще» — на женском [16]. Однако часть названных информантами характеристик русских может быть отнесена и к стереотипно мужским — смелость, суровость, изобретательность.

В целом отметим, что полученные нами данные, касающиеся содержания образа русской женщины, совпадают с результатами лингвистических исследований А. В. Кирилиной, которые показали, что образ русской женщины ассоциируют с терпением, добротой, трудолюбием, красотой, любовью (в первую очередь материнской) и самоотверженностью. Участники лингвистических экспериментов русской женщине приписывали также активность, решительность, энергичность, целеустремленность, хозяйственность, верность, отзывчивость, способность к сочувствию, эмоциональную теплоту [9, с. 156—157].

В ходе исследования в наши задачи входило не просто раскрыть содержание образа русской женщины, но и посмотреть, как формируется этот образ в сравнении с другими национальностями, кто выбирается в качестве Чужих. Образы мужественности и женственности Чужих играют важную роль: они оказывают влияние на содержание и оценку гендерных моделей собственной

культуры (именно поэтому гендерные характеристики внешних и внутренних Чужих нередко оказываются схожими) [16, с. 46].

В ответ на вопрос, какие качества отличают русскую женщину от женщин других национальностей, большая часть информантов подчеркивали положительные качества русских женщин в противовес скорее отрицательным характеристикам других женщин:

По сравнению с другими женщинами русская больше в семье, она не карьеристка (Юлия, 31 г.); Наши более мягкие, уступчивые (Светлана Николаевна, 43 г.); Русская женщина может работать за всех. Она не пропадет (Наталья, 35 лет).

Более позитивные оценки Своих, русских женщин можно объяснить действием описанного нами выше принципа ингруппового фаворитизма, основанного на тенденции благоприятствовать своей группе (ингруппе) в ущерб другой (аутгруппе). Негативные оценки качеств русской женщины встречались в тех ответах респондентов, где русскую сравнивали не с абстрактной Чужой, а с представителями той или иной национальности:

Американки более ответственные, например в вопросах, связанных с рождением ребенка. Западные более политически активны. Больше уделяют времени себе (Валентина Ивановна, 57 лет); Наша более заботливая по отношению к детям, чем француженка, но менее, чем немка (Михаил, 32 г.); К семье, детям и мужу у нее ответственное отношение, более ответственное, чем на Западе, например (там у женщин на первом месте работа). Работа у русской женщины на втором месте (Елена Львовна, 46 лет).

Далее нас интересовало, как содержание образа Своей женщины будет корректироваться содержанием образа Чужой, иными словами, мы хотели посмотреть, как при описании различных качеств информанты проводили границу между русской женщиной и женщиной другой национальности.

Часто можно встретить мнение, что русская женщина особенно красива, поэтому первое, о чем мы спросили, действительно ли русская женщина обладает особой красотой. Практически все информанты, независимо от пола, согласились с этим. Но, когда мы просили сравнить красоту русской женщины и женщин других национальностей, оценки получились не столь однозначными. Три человека указали, что женщины любой национальности обладают своей красотой, шармом, а мнения остальных можно разделить на группы: одни полагают, что русские, несомненно, красивее всех, даже французов, традиционно воплощающих нормативную женственность («*По сравнению с американкой наша всегда в форме, одета прилично, улыбается. Француженки тоже не красивее наших*» — Светлана Николаевна, 43 г.); другие считают, что русские однозначно красивее американок, но наравне с француженками; третьи отмечают, что русские красивее шведок и немок, а также англичанок.

В исследовательской литературе указывается и такая особенность, как атрибутирование русской женщине не только многочисленных достоинств западных и восточных женщин, но также качеств, которые в западных культурах включаются скорее в стереотип маскулинности: ума, силы, трудолюбия [15].

Данные нашего интервью подтверждают, что русская женщина представляется особенно сильной; многие информанты для подчеркивания силы русской женщины вспоминали известную цитату из поэмы Н. А. Некрасова. При этом важно отметить, что, говоря о силе русской женщины, опрашиваемые делали акцент на моральной силе, силе духа. Большинство интервьюируемых женщин указывали на то, что сила русской женщины в ее «*умении переживать тяготы условий русской жизни и, сжав зубы, переносить все ее лишения, не отступить от своих целей и принципов*», «*тянуть на себе все, решать проблемы мужей*».

Что касается сравнения с другими национальностями, то здесь все информанты, независимо от пола, посчитали русскую сильнее прочих, и прежде всего американок. Отметим, что практически всегда американок оценивают негативнее женщин других национальностей, что можно объяснить, скорее всего, высоким уровнем антиамериканизма у русских:

Американка продумает все пути, но сама никогда не возьмет на себя всю работу. Она не бесшабашна. Она прокручивает и делает как ей удобно! (Наталья, 35 лет); «*В горящую избу войти*», на мой взгляд, может только русская женщина или женщина-азиатка. Американка сначала повопит о своих конституционных правах, затем обделается от страха, ну а потом напишет очередной бестселлер (Михаил, 25 лет).

Среди национальностей, женщин которых все же можно назвать сильными, указывались китайки, один из информантов отметил также вьетнамок.

Далее мы хотели выяснить, приписывают ли русской женщине такие качества, как выносливость и терпеливость. Мы сочли важным проанализировать их, поскольку они могут быть интерпретированы двояко: с одной стороны, терпеливость и выносливость русской женщины могут оцениваться положительно и рассматриваться как способность выносить все тяготы жизни, но, с другой стороны, их можно расценивать как некое раболепство, зависимость от других. Абсолютное большинство информантов рассматривали выносливость и терпеливость русской женщины скорее как положительное качество (особенно в бытовом плане, как способность выполнять тяжелую работу), и только один из участников интервью «расшифровал» негативный смысл этих качеств в русской: «*Ее терпению переносить пьянство и побои мужа, унижения на работе, воспитание детей практически в одиночку, изнасилования и прочее может позавидовать кто угодно*» (Михаил, 25 лет). В рамках этого же вопроса мы уточняли, можно ли назвать русскую покорной и бессловесной. Практически никто из информантов не посчитал ее таковой. Маркер покорности русской женщины появляется в сравнении ее с женщинами других национальностей: русские оценивались как более покорные, чем западные женщины, и менее, чем восточные. Заметим, что на наше предложение сравнить русскую женщину, например, с татаркой или чеченкой многие отвечали, что сделать этого не могут, поскольку женщины этих наций, по мнению опрошенных, живут совершенно в других условиях, у них «другой склад души»: «мусульманская женщина — это совсем другая история, даже и сравнивать нечего».

Значимой характеристикой русских женщин и русских в целом является трудолюбие. Большая часть интервьюируемых согласилась с тем, что русские

женщины трудолюбивы. Трудолюбие русской, на их взгляд, выражается прежде всего в том, что женщина трудится и на работе, и дома. Активнее информанты высказывались, когда мы попросили сравнить русскую женщину и русского мужчину. Все опрошенные женщины отмечали, что русские женщины трудолюбивее русских мужчин. Приведем несколько суждений участников интервью, из которых видно, какие доводы приводят женщины, объясняя нелюбовь к работе русских мужчин:

Наша женщина и жнец, и на дуде игрец, после работы опять работает по дому, с детьми, а муж отдыхает (Тамара Николаевна, 77 лет); *Мужчин меньше, чем женщин, большинство женщин жалеют мужчин, взваливая на себя обязанности мужчин, а большинство мужчин этим пользуются* (Елена, 25 лет); *И у женщин и у мужчин есть работа, но плюс к этому женщины приходят после работы домой и начинают готовить, убираться, стирать... в то время как мужчина считает, что после работы он не обязан ничего делать* (Екатерина, 24 г.); *Трудоголички — и на работе и дома. И часто мужскую работу на себя берут. Это пошло после войны: мужчин не хватало, женщины все сами поднимали* (Юлия, 31 г.).

Мужчины были более сдержанны в оценках трудолюбия русских женщин. В целом они не отрицают наличия такого качества у последних, но с тем, что они трудолюбивее русских мужчин, не всегда согласны. Например, Алексей, 21 г., считает, что *«сейчас в современном мире женщины становятся более ленивыми»*; Олег Владимирович, 47 лет, заявил, что *«и среди мужчин трудоголиков хватает»*.

Как оказалось, оценивая трудолюбие русских женщин, информанты проводили границу не только между русской женщиной и русским мужчиной, но и между русской и женщинами других национальностей. Более половины участников интервью оценили русских женщин как самых трудолюбивых, несколько человек отметили, что китайки и немки трудолюбивее русских женщин. К числу не очень трудолюбивых отнесли американок, которые *«не такие трудоспособные, поскольку у них мужчины больше берут на себя, помогают женщинам»*, *«они живут и работают с целью удовлетворить себя, а русские женщины — других, например мужа или детей»*.

Ингрупповой фаворитизм русских проявляется и в оценки роли русской женщины как матери и хранительницы домашнего очага. Уже в начале интервью информанты подчеркивали особую значимость социальной роли матери и жены для русской женщины, наделяя ее качествами, которые традиционно относят к материнскому архетипу, — заботой, жалостью, жертвенностью. На вопрос, могут ли женщины других национальностей играть такую же особую роль матери, бабушки в семье, как русские, ответы разделились на две группы: одни считают, что только русские являются настоящими хранительницами дома, они прекрасные матери, жены и никто в мире с ними в этом не сравнится. Причем эти положительные характеристики русской женщины сопровождаются негативными оценками роли женщины в семье в других нациях. Например, немки и американки описывают как карьеристок, зацикленных на себе и на работе (*«они отпускают рано детей от себя, не помогают им»*, *«карьеристки впер-*

ди у западных женщин, они любят себя»). Другая группа объединяет мнения, согласно которым женщины любой национальности играют особую роль в семье, поскольку женщины вообще изначально для этого предназначены.

Таким образом, проанализировав содержание образа русской женщины, мы можем сказать, что для самих русских русские женщины воплощают нормативную женственность — включая и силу, которая очень важна для мифологизации национальной женственности в России. Своих, русских женщин информанты описывают как в категориях экспрессивных качеств, традиционно считающихся неотъемлемой чертой стереотипа женщины, — теплоты, заботы, открытости, доброты, так и в категориях качеств, традиционно приписываемых русским, — гостеприимства, душевности, жертвенности, терпеливости. В свете ценностей русской культуры подобный образ русской женщины позитивен, а образ женщин других (обозначенных в ходе интервью) национальностей скорее негативен, что можно объяснить действием принципа внутригруппового фаворитизма. Даже указывая негативные качества русской женщины (грубость, упрямство, гордыня, излишнее самопожертвование, неуверенность в себе, сварливость, жадность и жалость к себе, зависть), респонденты посчитали, что русская женщина ничем не уступает женщинам других национальностей. И на вопрос, можете ли Вы сказать, что женщинам какой-то другой национальности Вы симпатизируете больше, чем русским, все информанты, кроме одного, ответили «нет, никому».

Значимым компонентом в структуре национальной идентичности русских является советское прошлое (см., напр.: [5]). Отдельный блок нашего интервью мы посвятили образу советской женщины, что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, если сразу после распада СССР идентичность русских строилась исключительно на отрицании всего советского, то сейчас наметилась тенденция выстраивания новой русской идентичности, содержащей фрагменты имперской, советской, этнической и других идентичностей. Во-вторых, образ советской женщины играет значительную роль в формировании стандартов современной русской женственности.

По мнению Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, эмансипация в СССР создала специфический социально-антропологический тип, гегемонный тип суперженщины — «работающей матери» [8]. Образ советской женщины нес в себе сильный мобилизующий потенциал в СССР (общество требовало быть не просто «женственной женщиной», но «советской женщиной»), при этом он активно использовался в определении внутренних и внешних Чужих (женщин тех национальностей, которые не соответствовали стандартам «советской женственности») [14].

В период Великой Отечественной войны на первый план выступают нормативные образцы, подчеркивающие супружескую верность, самоотверженность. Возникает новый образ — боевая подруга, защитница Отечества, а также производственница, перевыполняющая план [13]. Позднее начали активно складываться новые идеалы женщины-работницы и общественницы.

В нашем исследовании при описании качеств, характерных для советской женщины, информанты указывали те же качества, которые они приписывали в начале интервью русской женщине. Это самоотверженность, доброта, заботли-

вость, верность. Однако значительную часть описаний составляют характеристики, которые традиционно входят в стереотип «советский человек». Так, советскую женщину описывали как ответственного работника, способного трудиться и «в мужских профессиях (на станках)»; она «стремилась быть сильной и работать наравне с мужчинами», но при этом была «любящей семьяниной». По отношению к государству — «верила в идеалы, коммунизм, была верна партии».

Значимым маркером образа советской женщины и всего советского были идея об извращенности советского гендерного порядка, сомнения в наличии в СССР нормальной сексуальности, отраженные в известной фразе «У нас секса нет» [26]. Участники нашего интервью согласились с тем, что советская женщина была женственной, но не сексуальной, и объясняли это прежде всего отсутствием возможности красиво одеваться из-за ограничений в выборе одежды: *«много трудилась, и в цеху и в колхозе — не до сексуальности в фартуке и резиновых сапогах, в СССР не было секса»*. Отсутствие сексуальности информанты подчеркивали и во внешнем виде советской женщины:

В коричневом женском пиджаке, серой юбке, со значком ударника труда, в берете, в туфлях на толстых каблуках. Улыбчивая (Михаил, 32 г.); Цветастое платье или серая юбка, смотря кем работала. Старалась быть женственной, но сексуальными были только продавщицы магазина (Наталья, 35 лет); Крепкая, массивная, тучная, с улыбкой на лице (Елена, 25 лет).

Для нас было важно проследить, как изменилась русская женщина с советских времен, какие черты она унаследовала от советской женщины, какие утратила, как эти процессы сказались на восприятии образа русской женщины самими русскими.

О том, что образ советской женщины является частью обобщенного образа русской женщины, может свидетельствовать тот факт, что на вопрос, женщину какой национальности Вы представляете при выражении «советская женщина», подавляющее большинство информантов указали, что русскую, а меньшинство видят в образе советской женщины женщин всех союзных республик, входящих в СССР.

Часть интервьюируемых посчитали, что русская женщина ни в чем не изменилась со времен СССР, но большинство отметили, что современная женщина, по сравнению с советской, стала более индивидуальной, независимой (и от мужа, и от государства), менее скромной, стала больше думать о себе. По отношению к мужчинам женщины стали «раскованнее, смотрят свысока на мужчин, меньше стали дорожить ими», «женщины меньше боятся растить детей в одиночку, меньше боятся общественного мнения». Причем объяснения этим переменам находят не только в политических, социально-экономических трансформациях, произошедших со страной, но в том числе и в поведении самих мужчин. Показательно в этом плане высказывание одной из участниц интервью: *«Мужики сами виноваты. Они не стали с женщинами наравне, а стали им уподобляться. Меньше инициативы. Раньше как? [Позвали]: едешь со мной на БАМ? И женщины ехали, в неизвестность, а сейчас и не позовет никто!»* Подобные высказывания о слабости и безынициативности русских мужчин нередко встречались в ходе нашего интервью, и это может свидетельство-

вать, на наш взгляд, о тенденции, ранее описанной в отечественной науке, дополнять образ русской женщины образом слабого мужчины [15].

Среди качеств, которые современная русская женщина унаследовала от советской, назывались стойкость, способность быть лидером и в семье и на работе. В определенной степени, по мнению опрошенных, современная русская женщина утратила патриотизм советских женщин, она стала менее самоотверженной.

Таким образом, с точки зрения информантов, современную русскую женщину от советской отличает большая независимость, индивидуальность, открытость. Но в целом их наделяют традиционными во все времена для русской женщины качествами — добротой, заботой, самоотверженностью, терпеливостью. Показателен в этом плане тот факт, что в качестве прототипа настоящей русской женщины часто называли Л. Федосееву-Шукшину, Н. Гундареву, Н. Мордюкову, М. Ладынину и В. Терешкову — известных женщин именно советской эпохи, но воплощающих традиционную русскую женственность. Среди наших современников в качестве настоящей русской женщины называли Н. Бабкину, В. Матвиенко, Т. Навку, С. Хоркину, М. Шарапову, Н. Кадышеву, Э. Панфилову. Часть интервьюируемых полагали, что невозможно выделить какой-то один определенный тип настоящей русской женщины и рисовали портреты женщин, прошедших Великую Отечественную войну, или «женщин лет 40 — 50, которым присущи качества русской женщины».

В своем исследовании мы также акцентировали внимание на образе русской женщины как гендерном идентификаторе, обозначающем различия между Россией и Западом. Россия сохраняет свою традиционную роль Другого для Европы [21] (подробнее об этом см.: [12]), и женские образы активно рекрутируются в политиках идентичности. Например, Б. Крамвиг и К. Стиен, проанализировав образ русской женщины в сознании жителей Норвегии после распада СССР, выделили различные дискурсы, формирующие представление о России как Враге. Один из этих дискурсов — русская проституция в Норвегии, «торговля сексуальными услугами, осуществляемая женщинами супердержавы» [10]. Отметим, что представления Чужих о Нас также являются важным компонентом Мы-образа, поскольку отрицание или принятие оценок со стороны может влиять как на содержание образа Своих, так и на процесс формирования идентичности в целом. Поэтому мы спросили информантов, какой, на их взгляд, представляют русскую женщину на Западе и какой ее образ нужно формировать и поддерживать (и нужно ли это). Более половины участников отметили, что на Западе русскую женщину видят как красивую, «кровь с молоком», трудолюбивую, хорошую хозяйку, не карьеристку. Дважды высказывалось мнение, что до сих пор русские женщины на Западе ассоциируются с советской женщиной, один раз — что представления о русских женщинах складываются в зависимости от того, кто из русских там живет (*«если много русских проституток, то и образ соответствующий»*). На вопрос о том, нужно ли формировать образ русской женщины на Западе и каким он должен быть, часть информантов ответили, что нужно создавать положительный образ русской — деловой, активной, успешной и самостоятельной, чтобы поднять статус русских и России на мировой арене. Заметим, что перечисленные характеристики можно отнести скорее к группе инструментальных качеств, которые тра-

диционно ассоциируются с мужчиной. Некоторые высказались, что ничего в этом направлении делать не нужно, *«пусть останемся стереотипными для них, все равно будут думать, что все у нас “Наташи” или “домашние девочки”»*, *«ничего не надо, глубоко плевать, как они там о нас думают»*.

В заключение мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, национальные образы мужчин и женщин являются важным идентификатором, с помощью которого проводится граница между нациями, определяется, кто Свой, а кто Чужой, и, следовательно, поддерживается национальная идентичность. Во-вторых, образ русской женщины — часть представлений о русскости в целом. Он включает в себя как качества, которые традиционно относят к стереотипу женщины, так и те, которые считаются характерными только для русских. В-третьих, приписывание русской женщине тех или иных качеств, наделение особыми свойствами характера используется для подчеркивания отличий не просто русской женщины от иных женщин, но и в целом русских вообще от других наций.

Библиографический список

1. *Альчук А. А.* Метаморфозы образа женщины в русской рекламе // Гендерные исследования. 1998. № 1. С. 255—261.
2. *Воронина О. А.* Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ // Знамя. 1999. № 2. С. 165—175.
3. *Гапова Е.* Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 309—328.
4. *Гапова Е.* Гендерные политики в национальном дискурсе // Гендерные исследования. 1999. № 2. С. 24—36.
5. *Гудков Л.* Структура и характер национальной идентичности в России // Негативная идентичность. М. : Новое лит. обозрение, 2004. С. 121—168.
6. *Горошко Е. И.* Образы мужчины и женщины в языковом сознании. URL: http://asiagender.info/obrazi_mujchini_i_jenshini_v_yazikovom_soznanii.htm (дата обращения: 15.01.2011).
7. *Грошев И. В.* Рекламные технологии гендера // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 172—187.
8. *Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже[н]ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—451.
9. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.
10. *Крамwig Б., Стиен К.* Русские женщины — новый образ старого врага. URL: <http://gender.ru/russian/digest/2002-01/research.shtml> (дата обращения: 26.12.2010).
11. *Курнаева Н. А., Рябов О. В.* «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Гендер : язык, культура, коммуникации : материалы Третьей Междунар. конф., 27—28 нояб. 2003 г. М. : РЕМА, 2006. С. 239—246. (Вестн. МГЛУ ; вып. 518 ; сер.: Лингвистика).
12. *Нойманн И.* Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова ; предисл. А. И. Миллера. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с.

13. *Нуманов Т.* Как менялся образ женственности в советских журналах: мать, труженица, домохозяйка. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-32439> (дата обращения: 12.01.2011).
14. *Рябов О. В.* «Красный кошмар»: репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946—1963) // *Семья: между насилием и толерантностью* / под ред. М. А. Литовской, О. В. Шабуровой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 287—310.
15. *Рябов О. В.* «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М. : Ладомир, 2001. 202 с.
16. *Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер, война в России XX века. Штутгарт ; Ганновер : Ibidem, 2007. 290 с.
17. *Рябов О. В.* Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // *Филос. науки.* 2000. № 3. С. 79—86.
18. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999. 359 с.
19. *Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
20. *Рябова Т. Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // *Личность. Культура. Общество.* 2003. Т. 5, вып.1/2. С. 120—139.
21. *Тимофеев И. Н.* Эволюция внешнеполитической идентичности России: конец постсоветского периода? // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исслед. М. : МГИМО-Университет, 2007. Т. 2 : Идентичность и суверенитет : новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 34—56.*
22. *Тишков В.* О российском народе и национальной идентичности в России // *Бюл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* № 72 (2007).
23. *Ювал-Дэвис Н.* Гендер и нация / пер. И. Новиковой. М. : Елра, 2001. 171 с.
24. *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries : the Social Organization of Culture Difference : Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23d to 26th Febr. 1967 / F. Barth (Ed.).* L. ; Bergen : Universitetsforlaget, 1969. P. 9—38.
25. *McClintock A.* Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Conquest. N. Y. : Routledge, 1995. 449 p.
26. *Riabova T., Riabov O.* «U nas seksa net»: Gender, Identity and Anticommunist Discourses in Russia // *State, Politics, and Society : Issues and Problems within Post-Soviet Development / A. A. Markarov (Ed.).* Iowa City : Center for Russian, East European, and Eurasian Studies, the University of Iowa, 2002. P. 29—38.
27. Sex Role Stereotype: a Current Appraisal / I. K. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, F. E. Clarkson, P. S. Rosenkrantz // *J. of Social Issues.* 1972. Vol. 28, № 2. P. 59—78.
28. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press ; P. : Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1982. 528 p.